

Опять въ родныхъ мѣстахъ.

I.

Трудная рабочая страда на исходѣ... а все еще копенекъ стоитъ въ поляхъ довольно. Завтра первое сентября—охотничій праздникъ, да видно не намъ, горемыкамъ, его справлять. Что подѣлаешь, когда у тебя на душѣ нехорошо и не радостнѣе кругомъ тебя. Страда рано началась: рожь пошли убирать раньше Петрова дня, а свели на позднее,—съ Богомъ спорить не станешь, послалъ Господь невзгodu съ половины іюля, да такую, что отъ сильныхъ, да почти ежедневныхъ дождей и ржица, и пшеница въ копнахъ пошла расти; только что солнышко проглянетъ, обдуетъ нѣсколько копенки, оправить ихъ, а дождикъ полетъ опять и опять и такъ-то безъ малаго мѣсяцъ продолжалось. Вотъ почему и озимый хлѣбъ получился рослый, легковѣсный, а овесъ клюнулъ весь на корню, а кто успѣлъ, что называется, урвать, какую малость скосить пораньше, все равно: на рядахъ дожди пробрали. Въ итогѣ овесъ очень плохъ и по качеству, и по количеству: изъ копны рѣдко у кого, въ нашихъ мѣстахъ, давалъ больше четырехъ мѣръ.

— Не обидно бы платить дорого за рабочія руки, было бы за что, какъ три года назадъ мы платили за уборку десятины ржи до десяти рублей; но вѣдь и хлѣбъ же былъ поистинѣ чудный, а теперь ничтожный урожай и все же таки страшно дорогая уборка.

— Уберемъ урожай, и дай Богъ только расчитаться съ рабочими да съ банками, а чѣмъ жить будемъ, Богъ знаетъ!

Такіе точно или приблизительно подобныя разговоры сосѣдей до того надоѣли мнѣ, что я старался по возможности не бывать ни у кого изъ нихъ послѣднюю половину лѣта и осени, а при встрѣчѣ всячески старался не говорить о хозяйствѣ.

Дѣйствительно, условія хозяйства и жизни нашей мѣстности (Елецкій уѣздъ Орловской губ., центръ Россіи) измѣнились ужасно и дѣлаются съ каждымъ годомъ все труднѣе и труднѣе. Не говоря о томъ, что подавляющее большинство дворянскихъ имѣній заложено, рѣдкая экономія имѣетъ оборотный капиталъ, чтобы оплатить наличными деньгами лѣтнія работы; главное же это — то, что у насъ съ переходомъ чуть ли не большей половины дворянскихъ имѣній въ руки крестьянъ уцѣлѣвшія экономіи остались безъ рабочихъ рукъ: какую бы вы цѣну ни предлагали во время рабочей поры и даже осенью во время молотьбы, къ вамъ не пойдетъ ни одинъ мужикъ и ни одна баба, если они не покончили уборку и молотьбу своихъ хлѣбовъ; покончивъ свой хлѣбъ, къ вамъ дѣйствительно являются рабочія руки, но по цѣнѣ очень высокой, и вы должны дать эту цѣну, такъ какъ иначе рискуете еще болѣе опоздать съ уборкой и молотьбой, а слѣдовательно, еще болѣе потерять.

Ну-съ, а что касается другихъ жизненныхъ условій, я лучше умолчу, чтобы не нагнать не только тоски на моего читателя, а прямо-таки жути.

Коснусь только одного вопроса, который въ связи съ моимъ рассказомъ, а именно, вопроса о домашней прислугѣ въ деревнѣ лѣтомъ во время рабочей поры.

Знаю хорошо, что у читателя-горожанина готовъ отвѣтъ, что не сладко приходится и имъ въ городѣ отъ невозможной прислуги: неподготовленной, дерзкой, пьяной, вороватой и проч. На это скажу только горожанину по секрету, что зачастую въ рабочую пору у многихъ дворянъ-помѣщиковъ не остается совершенно *никакой прислуги*; я не говорю, конечно, о магнатахъ или богатыхъ помѣщикахъ, платящихъ очень большое жалованье, а говорю о нашемъ братѣ, среднемъ и маленькомъ землевладѣльцѣ. Мнѣ самому не-

пріятно, что дѣлюсь съ тобой, читатель, такими грустными картинами нашей настоящей жизни въ деревнѣ, но что по-дѣлаешь—ужь очень наболѣло и само просится подъ перо. Представь же еще, читатель (уже сердись за одно), что ты любишь и имѣешь хоть небольшой конный заводъ и хоть небольшую псарню, что даетъ тебѣ возможность скрасить твою жизнь въ деревнѣ вообще, а осенью въ особенности, во время охоты...

Да, трудно приходится временами жить въ деревнѣ! Ну, а гдѣ легче?! На какомъ поприщѣ и при какой обстановкѣ жизнь человѣка усѣяна однѣми розами?

Нужно любить деревню и трудъ сельскаго хозяйства и работать не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, по совѣсти, и въ концѣ-концовъ, несмотря на всѣ невзгоды, дѣло твое пойдетъ, разростется, „образуется“, какъ говорила нянька у гр. Толстого, и дастъ тебѣ полное удовлетвореніе. А чего нужно еще человѣку?

Сравнительно съ другими сосѣдями я былъ обставленъ лучше и при всемъ этомъ долженъ былъ смѣнить весь персоналъ прислуги, пачиная съ кучера, экономки, старосты, поварихи и кончая двумя горничными, и даже мой старожилъ, доѣзжачій Вяликовъ—увы!—долженъ былъ подвергнуться общему теченію,—пришлось и его уволить въ концѣ рабочей поры.

— Что такое, я слышалъ, Вяликовъ у васъ больше не живетъ?—обратился ко мнѣ съ вопросомъ мой сосѣдъ Константинъ Павловичъ Петровъ.

— Долженъ былъ уволить...

Тѣ же разговоры, что дешево живетъ, что теперь можетъ быть отвѣтственнымъ садовникомъ, хотя, кромѣ парниковъ, да и то при моемъ личномъ наблюденіи, ничего не можетъ сдѣлать, а тутъ еще продалъ своего хлѣба на сумму около ста рублей, ну, и конецъ, по его представленію, онъ теперь чуть-чуть не фельдмаршалъ, гдѣ же тутъ ниматься, лучше пожить дома, и, конечно, пока не пройдутъ эти деньги, Вяликовъ по своей лѣни будетъ ублажать себя пріятными бесѣдами съ сосѣдами и временной якобы работой по починкѣ и вставкѣ стеколъ, чему научился у

меня при уходѣ за парниками и паровыми грядами. Все это бывало съ нимъ и прежде: онъ нѣсколько разъ уходилъ отъ меня и снова возвращался.

— Да, дѣйствительно, всѣ какъ бѣлены обѣлись въ этомъ году... Мой Ефанъ Оедотычъ также передъ рабочей порой возомнилъ о себѣ, что онъ не лѣсной караульный, а лѣсной приказчикъ и что ему надлежитъ получать больше жалованья, и все это высказано съ извѣстной требовательностью и даже дерзостью, почему и пришлось немедленно уволить его...

— А какъ же охота, Евгеній Ильичъ, время подходить прекрасное, неужели не будете совсѣмъ охотиться этой осенью? Говорятъ, масса русаковъ, есть волчи выводы, хотя о лисицахъ не слышно.

— Покончивъ работы, я думаю поохотиться, — отвѣчалъ я, — мнѣ передавали, что въ Карташовкѣ проживаетъ бывший доѣзжачій покойнаго В. М. Карташова, который затѣмъ былъ доѣзжачимъ у Платициныхъ.

— А это хромой Иванъ съ помороженными ногами, я помню его... Но, какъ и всѣ доѣзжачіе, испиваетъ, кажется, изрядно.

— Что же дѣлать, если воздержится, возьму его, думаю, пойдетъ ко мнѣ; караулить бакши ему надоѣло, какъ мнѣ говорили, а мнѣ много разъ приходилось возиться съ алкоголиками; при извѣстномъ терпѣніи съ ними можно ладить. Пошлю завтра за Иваномъ, а числа съ 15, 20 сентября можно будетъ начать охоту.

II.

Вступивши ко мнѣ, хромой Иванъ показалъ себя дѣйствительно дѣльнымъ, нехвастливымъ мастеромъ своего дѣла. Молодые выжлята, которыхъ было пять штукъ въ стаѣ, послѣ нѣсколькихъ проводокъ стали, за исключеніемъ одного крупнаго выжлеца «Тромбона», недурно работать. Съ рѣдкимъ терпѣніемъ Иванъ возился съ молодежью, старался приучить и приохотить собакъ, особенно же трудна была возня съ выжлецами; выжловки скорѣе берутся за дѣло и по первой осени прекрасно работаютъ, выжлецы же, наоборотъ,

вырабатываются гораздо медленнѣе и рѣдко хорошо гоняютъ до второй осени.

Охоту мы начали съ 21-го сентября въ Слѣпушенскихъ лѣсахъ, куда меня усиленно звали мѣстные крестьяне по-пугать волковъ, ужъ очень нагло начавшихъ шkodить мелкую мужицкую животину.

Волковъ мы не застали ни въ большомъ лѣсу, ни въ «хорькѣ» или «корькѣ», какъ называется небольшой лѣсокъ, также принадлежащій тѣмъ же крестьянамъ с. Слѣпухи.

Погода была очень сухая, и охота была возможна только рано утромъ, пока не сошла роса. Взявши съ утра большой лѣсъ, переполненный скотомъ и цѣлой толпой ребятишекъ, мы черезъ часъ перевалили въ «хорекъ», когда росы уже не было, вѣтеръ усилился, и, только уступая просьбамъ крестьянъ, какъ я упомянулъ, мы рѣшили брать этотъ лѣсъ. Гончихъ завели изъ дальней лощины лѣса, одѣтой очень густо молодымъ дубнякомъ.

Мы съ Георгіемъ Викторовичемъ Лехницкимъ и двумя ружейниками стали между молодымъ и крупнымъ лѣсами по отвершкамъ, а Викторъ Аркадьевичъ съ двумя борзятниками обставилъ опушку лѣса. Собаки прошли оба отвершка и ни одна не отозвалась; я, утомившись ожиданіемъ, сошелъ съ своего мѣста и думалъ пройти къ мѣсту, гдѣ стояла наша телѣжка, какъ услышалъ первый гонъ стараго «Соловья» Виктора Аркадьевича; къ нему скоро подвалило еще нѣсколько голосовъ.

Однако вели недружно, очевидно, по русаку; я поспѣшилъ къ лѣсу, и черезъ какія-нибудь десять минутъ показался между кустами прибылой русакъ, котораго я и уложилъ. На выстрѣлъ ко мнѣ подошелъ Георгій Викторовичъ, а вскорѣ за нимъ и Викторъ Аркадьевичъ. Мы успѣли на выступъ водомойны и закурили.

— Господа, а вѣдь еще гонять!—сказалъ Викторъ Аркадьевичъ.

— Нѣтъ, это молодые отзываются по тому же слѣду,—возразилъ Георгій Викторовичъ.

Но не успѣлъ онъ еще договорить, какъ почти вся стая

дружно повела въ нашу сторону русака. Георгій Викторовичъ, не успѣвъ вернуться на свое мѣсто, не могъ стрѣлять выскочившаго на опушку матерого русака, а неопытный борзятникъ, на котораго онъ вышелъ, просмотрѣлъ его.

Тѣмъ мы и закончили первую охоту, рѣшивъ между собой выждать измѣненія погоды, такъ какъ, дѣйствительно, вслѣдствіе страшной засухи можно было только перепортировать собакъ.

Засуха продолжалась до 27-го сентября, когда погода рѣзко измѣнилась: съ вечера 26-го пошелъ холодный вѣтеръ, а съ полночи — сильный дождь, 27-го утромъ дождь смѣнился крупной; къ обѣду разгулялось, показалось солнышко.

Я черкнулъ записку къ Константину Павловичу и гг. Лехницкимъ, прося ихъ назавтра пріѣхать на охоту въ Ломовцы, для чего просилъ ихъ пожаловать съ вечера ко мнѣ, чтобы рано утромъ двинуться на «Мшище» и «Товаренку» взять эти лѣса, затѣмъ переночевать въ Ломовцѣ, а на слѣдующій день рано утромъ взять «Чернолѣсье», «Карлово», «Лосиный верхъ» и «Круглый».

Вечеромъ того же дня пріѣхалъ ко мнѣ Константинъ Павловичъ, объяснивъ, что гг. Лехницкіе не могутъ принять участія въ охотѣ, такъ какъ Георгій Викторовичъ готовить свой отъѣздъ въ Москву, а Викторъ Аркадьевичъ очень занятъ хозяйствомъ.

Такимъ образомъ, мы съ Константиномъ Павловичемъ, имѣя еще одного ружейника и одну свору борзыхъ съ четырьмя смычками гончихъ, двинулись на слѣдующій день послѣ ранняго обѣда прямо въ «Товаренку», минуя «Мшище».

«Товаренка» или «Товарный лѣсъ», какъ его зовутъ, поистинѣ принадлежитъ къ серьезнымъ охотничьимъ мѣстамъ нашей мѣстности. Лѣсъ этотъ принадлежитъ крестьянамъ с. Ломовца и представляетъ собой лѣсную площадь до 150 десятинъ. Лѣсъ — очень густой дубнякъ съ примѣсью орѣшника, ольхи, калины и терновника по низинамъ овраговъ; два большіе лога съ отвершками тянутся почти вдоль всего лѣса. Крутые берега логовъ очень густо одѣты дубнякомъ,

крѣпи дубняка и орѣшника даютъ возможность водиться звѣрю.

Да и на самомъ дѣлѣ ежегодно бываютъ лисьи выводы, да и волки не брезгаютъ этимъ лѣсомъ.

Подъѣхавъ къ лѣсу и бѣгло осмотрѣвъ его, мы нѣсколько смугились малочисленностью нашихъ силъ. Брать этотъ лѣсъ тремя ружейниками, имѣя на опушкѣ выхода перваго лога одну свору борзыхъ, по меньшей мѣрѣ, самонадѣянно, да и безрезультатно, что и оказалось на дѣлѣ.

Иванъ, охотясь въ этомъ лѣсу лѣтъ пятнадцать тому назадъ, конечно, забылъ расположеніе лисьихъ назымъ, да и перемѣстились онѣ, почему, набросивъ гончихъ съ южной стороны лѣса, мы провели пару лисицъ къ новымъ назымамъ второго лога и такъ хорошо и чисто, что ни одинъ изъ насъ, ружейниковъ, ихъ не видалъ. Возвращаясь обратно, собаки подняли съ опушки нѣсколько русаковъ, говорю—нѣсколько потому, что стая раскололась и пошла, что называется, въ раздробь, несмотря на всѣ усилія доѣзжачаго. Очевидно, кромѣ русаковъ, были молодыя лисицы. Я стоялъ на половинѣ оврага, ожидая лису, но, къ своему удивленію, увидѣлъ пробирающагося по кустамъ большого, цвѣлого уже русака, котораго поранилъ первымъ выстрѣломъ между кустами и добилъ вторымъ, когда русакъ выкатилъ изъ чащи, намѣреваясь перескочить оврагъ. Ружейникъ нашъ стрѣлялъ и промазалъ еще по одному русаку—вотъ и все, что мы сдѣлали въ этотъ день.

Да, забылъ, борзятникъ протравилъ двухъ русаковъ.

III.

Совсѣмъ стемнѣло, когда мы подъѣхали къ Нижнему Ломовцу. Съ трудомъ переправились мы черезъ маленькую рѣчку того же имени и, не попавъ на настоящую дорогу, должны были подниматься по страшно крутой горѣ, что особенно было нехорошо для слѣдовавшей за нами обозной телѣги.

— Проклятая баба наладила по этой дорогѣ! Ничего, говорить, на вашихъ лошадяхъ можно выѣхать. Ахъ ты, чтобъ тебѣ ни дна, ни покрывки! Облизына зеленая!—не

переставалъ браниться Иванъ, спуская обозную телѣгу къ рѣчушкѣ.

Плохъ былъ спускъ и переправа по изрытому броду, но подъемъ оказался еще труднѣе.

Пришлось взобраться какъ на печь. Константинъ Павловичъ и ружейникъ нашъ шли пѣшкомъ, указывая дорогу, а я одинъ, парой въ тележкѣ, вооружившись кнутомъ, едва могъ взобраться на крутизну противоположнаго берега, то же самое съ криками Ивана и обознаго продѣлывалось съ обозной телѣгой.

— Вѣдь это чистые Балканы, чтобы ей пусто было! А не даромъ она треклятая попалась на дорогѣ! Эхъ вы дѣтки, еще еще немножко!—продолжалъ басить сзади меня Иванъ.

Темнота сгустилась до того, когда мы вѣхали въ узкіе переулки села, что, сидя въ маленькой телѣжкѣ, нельзя было различить своихъ лошадей. Къ счастію нашему, совершенно случайно, насъ встрѣтилъ самъ коноваль, къ которому мы ѣхали на ночлегъ.

— Ваше скородіе, низайшее почтеніе, извольте подержаться правѣе,—раздался его голосъ съ лѣвой стороны.

— Здравствуй, Селифонть, ты какъ узналъ, что мы ѣдемъ?

— Да ходилъ по дѣлу, ваше скородіе, а тутъ слышу гонять собаки на нижнемъ проулкѣ, ну, думаю, ваша милость, а наипаче, какъ сулились это время къ намъ быть. Бросилъ дѣло, да въ проулокъ, анъ какъ разъ, въ аккуратѣ-съ, главная причина темъ страшучая... Да вы, вашескородіе, позвольте я проведу лошадей, а то у насъ тутъ неловко,—и коноваль, взявъ коренную подъ уздцы, скоро довелъ насъ до своего уютнаго домика.

Пріятно было въ свѣтлой чистой хаткѣ послѣ такого томительнаго переѣзда.

Быстро закипѣлъ самоварчикъ, затопилась печь для заварки овсянки и кашицы съ саломъ и зайцемъ для насъ. Все дѣлалось безъ толкотни и суеты, очень скоро и хорошо въ умѣлыхъ рукахъ Акулины Никитишны, ловкой супруги Селифонта.

Бравый кавалеръ-коноваль, усадивъ насъ за столъ, подъ святыя, покрылъ столъ даже клеенчатой скатертью и

принялся наливать намъ чай послѣ нѣсколькихъ круговыхъ чарочекъ домашней настойки и легкой закуски. Конечно, и хозяева наши получили по двѣ рюмки водки, а Селифонтъ былъ посаженъ съ нами за столъ пить чай.

Послѣ обычныхъ разспросовъ о житьѣ-бытьѣ перешли къ бесѣдамъ объ охотѣ: есть ли звѣрь, не былъ ли кто изъ охотниковъ. Не будучи самъ охотникомъ, коноваль тотчасъ же распорядился послать за кумомъ Василюемъ, котораго я зналъ по охотамъ прошлыхъ лѣтъ. Взглянувъ какъ-то пристально на Селифонта, я замѣтилъ порядочный синякъ подъ его правымъ глазомъ.

— Это что же глазъ, у тебя болить, вѣроятно?—спросилъ я.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше скородіе, — улыбаясь и покручивая свои щетинистые усики, отвѣчалъ онъ. — Все праздничные пустяки-съ... Больно завидують мнѣ, — ненавистники!.. Вѣстимо дѣло, я пришелъ изъ службы, получилъ это помѣстье родительское, да развалюшку на немъ, ну-съ, а теперича вотъ девятый годъ, какъ изъ службы, — присѣваю побольше землицы, чѣмъ тутошніе богачи, потому снимаю душъ на одиннадцать земельки и плачу дороже того, что платили мірофды наши, такъ вѣстимо имъ обидно стало... На сходкахъ тоже не поддаюсь имъ. Мнѣ что же-съ, дѣтей у насъ нѣтъ; я да хозяйка; бѣдность не обижаемъ: примѣрно сказать кстины, у меня вотъ ужъ тридцать девять крестниковъ, у Акулины Микитишны тоже дюжины двѣ есть, а вѣдь это расчетъ составляетъ, потому каждые кстины рубля два, а то и всѣ три обходятся, а тамъ кумъ, чуть въ чемъ оплошалъ, къ намъ идетъ, отказать нельзя, хоть и не каждому безъ залога довѣряешь, а все же помогаешь, чѣмъ можешь... Такъ изволите ли видѣть, — ненавистенъ сталъ, стали всякія пакости подводить особливо своякъ, а онъ теперь старостой мірскимъ ходитъ, да не поддаюсь я, не на того напали! Такъ что придумали: на третій день Митрева дня, нашего, значить, праздника, устроили мнѣ, какъ бы въ родѣ засады, чтобы, значить, избить до полусмерти, а то такъ совсѣмъ прикончить... — подавъ намъ по стакану чая, онъ продолжалъ.

— Слышала Акуля и сказывала мнѣ допрежъ, чтобы стерегся я, да что, думаю, бабьи хвосты вязать, анъ вышло дѣло-то и бабьи балы сбылись... Только проводили мы, значить, на третій день гостей, передъ вечеромъ я пошелъ себѣ, какъ былъ въ легонькой поддевкѣ къ церкви, думаю, зайду возьму газу, крендельковъ, тамъ еще кое-чего, признаться человѣкъ тридцать было гостей, попріѣли порядочно. Забрамли все у Свистуна, вышелъ я на улицу, ужъ огни зажгли, прошелъ площадь и только повернулъ въ свой проулокъ, встрѣваютъ меня четверо. «А,—слышу,—это ты, голубчикъ!» я имъ говорю: «не знаю, кого спрашиваете!» «А, не знаешь, такъ мы тебѣ покажемъ, какъ на новыя души землю дѣлить!» Гляжу, съ валу еще человѣкъ пятокъ съерзнуло, да всѣ на меня. Одинъ ударилъ меня кулакомъ въ глазъ, замутилось у меня въ головѣ маленько, пошатнулся да и началъ кое-какъ отбиваться. Богъ помогъ,—скоро разметалъ я ихъ. Точно—синякъ ко двору принесъ, да не сладко и имъ досталось: двое по сю пору, сказываютъ, на корачкахъ ползаютъ». Впередъ не тронуть—попробовали!» закончилъ онъ.

— А порядочная, должно быть, у тебя сила, Селифонтъ!—замѣтилъ Константинъ Павловичъ.

— Много ушло-съ таперича, ваше скородіе, самъ чувствую, потому работа не та, что на службѣ... Тамъ, бывало, рѣдкій день не приходилось валять, или вязать лошадей, да еще какихъ!.. Разъ, помню, фершалъ нашъ, вскорѣ, какъ меня въ школу перевели, приходитъ изъ манежа, да и говорить: Львовичъ, я за васъ на четверть поспорилъ съ фершаломъ четвертаго эскадрона, что вы одни жеребца повадите, прокурать, вишь, жеребецъ-то: шесть человѣкъ ловкихъ ребятъ у ихъ разметалъ...» Я было, говорю: «Напрасно, Иванъ Максимычъ спорили, а ну какъ не положу?..» «Ну, толкуй еще», а самъ смѣется, налилъ мнѣ стаканъ большой водки, да и говорить: «Руки-то терпентиномъ намажь, потому оно клейче выйдетъ, я, чай, скоро приведутъ буяна». И точно, смотримъ въ окно: на двухъ поводахъ четверо насилу ведутъ; того гляди, подъ себя заберетъ котораго!.. А сзади, видимъ, ихъ фершалъ съ самимъ ветери-

наромъ подходятъ. Духомъ налилъ нашъ мнѣ еще стаканъ, я намазалъ руки и вонъ изъ фершалъской. Слышу, вѣтинаръ спрашиваетъ про меня: «А что сможетъ новенькій съ нимъ управиться?»

— Такъ точно, ваше скородіе! — кричитъ нашъ фершалъ, а самъ такъ и лопаеъ меня глазами.

— Ну, ну, молодець, коли оборудуешь!

— Радъ стараться, ваше скородіе! — подошелъ я, засучилъ рукава, перекрестился, и только, значить, жеребець, послѣ дыбошекъ сталъ на ноги, я мигомъ къ нему и разъ, за оба уха! да что было силы—ухъ его на землю!.. Дрогнулъ мой жеребець и бацнулъ, словно дубъ подрѣзанный! Тутъ ребята навалились и все дѣло обдѣлали... А вѣтинаръ нашему «Молодецъ новенькій! правду ты сказалъ, хорошій фершалъ будетъ!» Извѣстно, я опять: «радъ стараться, ваше скородіе!»

За подобными разговорами прокоротали время до ужина, главную часть котораго составляла великолѣпная каша изъ пшена съ саломъ, картофелемъ и мелко изрубленнымъ зайцемъ. Право, нигдѣ, какъ на охотничьихъ привалахъ, мнѣ не приходилось ѣсть такой вкусной кашицы.

Вернувшійся посланный объяснилъ, что кумъ Василій уѣхалъ въ Задонскъ и раньше слѣдующаго вечера обратно не вернется.

Люди наши поужинали, и вскорѣ мы отлично устроились на широкихъ лавкахъ, на свѣжей соломѣ и войлокахъ на сонъ грядущій. Насѣкомыхъ было очень мало, и мы скоро заснули.

Было совершенно темно, когда я проснулся и увидалъ возившуюся около печки Акулину Никитишну. Едва ли она спала нѣсколько часовъ во всю ночь. Наскоро напились мы чаю и хотя до Чернолѣсья было очень близко, мы торопились начать охоту пораньше, почему, едва только начало свѣтать, наша телѣжка и вся охота вышла въ Чернолѣсье. Погода намъ, однако, не благопріятствовала: сильный сѣверный вѣтеръ скоро смѣнился восточнымъ и начавшій изрѣдка перепархивать снѣжокъ, не болѣе какъ черезъ часъ, перешелъ въ сильный, хлопьями, мокрый снѣгъ. Набро-

шенныхъ гончихъ пришлось съ большимъ трудомъ вызвать изъ лѣса, и самимъ скорѣе удирать на квартиру.

Обидно было сидѣть, ничего не дѣлая, переливая изъ пустого въ порожнее, какъ говорится. Пока протерли ружья, обсушили измокшую одежду, подкормили собакъ, прошло часа два и я отдалъ распоряженіе собираться домой.

— А вѣдь стало затихать, баринъ, напрасно изволите отъѣзжать, — сказалъ вошедшій Ламовецкій охотникъ Устинъ, перекрестившись на образа и поклонившись намъ.

— Нѣтъ, Устинъ, какая теперь охота, по такой погодѣ!

— Посмотрите, баринъ, часть времени не пройдетъ, какая охота-то разлюбезная будетъ! Вѣдь вашей милости, ѣхать, все равно мимо, прикажите пустить въ Лосиномъ, да рядомъ въ нашемъ Кругломъ лѣсу.

Съ этимъ я согласился и не пожалѣлъ потомъ. Отдавъ распоряженіе охотѣ отправляться прямо въ Лосиный верхъ и распростившись съ любезными хозяевами, мы выѣхали изъ Нижняго Ломовца.

Лосиный верхъ прилегаетъ къ Верхнему Ломовцу и намъ пришлось проѣхать дорогой не болѣе двухъ верстъ. Мы еще не выѣхали изъ села, какъ снѣгъ пересталъ, а скоро затѣмъ прорвались легкіе остатки бѣлыхъ тучекъ, быстро двигаясь къ горизонту, а когда мы подъѣхали къ лѣсу, ослѣпительное солнце брызнуло своими радостными лучами и заискрилось, заиграло въ снѣжинкахъ и капляхъ росы, покрывавшихъ кусты лѣса. Бѣлый покровъ полей загорѣлся огнями радуги... Боже мой, какъ скоро смѣнилось наше грустное настроеніе, глядя на эту чудную картину природы. Всѣ мы: люди, лошади, собаки, какъ бы сразу преобразились.

— Прикажете заводить отъ села, баринъ? — спросилъ меня Иванъ, когда мы подъѣхали къ охотѣ.

— Да, Иванъ, старайся не упустить чего-нибудь въ логъ къ самому селу, намъ пришлось разъ упустить лисицу съ Вяликовымъ, отдѣлавшуюся въ каменоломняхъ села.

Скоро разставились мы трое ружейниковъ и четвертый Устинъ, съ своимъ длиннымъ самопаломъ, по густому кустарнику небольшого Лосинаго верха. Быстро завелъ рав-

шихся гончаровъ Иванъ и стая, скоро прихвативъ перваго русака, дружно повела его вдоль лога. Гулко раздался первый выстрѣлъ на противоположной сторонѣ, гдѣ стояли Устинъ съ нашимъ ружейникомъ.

Стая смолкла на нѣсколько минутъ; но вотъ, съ заливомъ, тонкимъ голоскомъ застонала молодая «Арфа», къ ней скоро подвалило нѣсколько голосовъ, и доѣзжачій своимъ сочнымъ басомъ поддалъ жару собакамъ.

— Къ нему, къ нему, собачки!—и стая варомъ заварила еще по русаку, перескочившему на нашу сторону... закинувъ уши назадъ, русачекъ, что есть мочи, какъ мячикъ, выкатываетъ на небольшую полянку, собаки спѣютъ за нимъ.. Мой выстрѣлъ,—русака, какъ подброшенный, покатился съ жалобнымъ крикомъ...

Когда я подбѣжалъ взять русака, Иванъ показался изъ кустовъ и, приколовъ и спустивъ кровь, второчилъ его.

— Русачки есть, отсюда прикажете въ Круглый перевалить, такъ позадержу немного собакъ, покуда вы изволите переѣхать, а смыкать не буду.

Переѣхавъ небольшую перемычку, отдѣлявшую насъ отъ Круглаго лѣса, мы полюбовались травлею небольшого русачка нашимъ борзятникомъ. Густопсовый «Лиходей», лихо опередя двухъ другихъ своихъ собратьевъ, далъ нѣсколько угонокъ русаку, очень быстро приближавшемуся къ Круглому лѣсу: но еще угонка старого «Ловкаго» и русакъ взять въ двухъ шагахъ отъ лѣса.

Въ Кругломъ охота наша была также удачна: въ короткое время мы съ Константиномъ Павловичемъ убили по русаку, да Устинъ, долго провозившись, все же таки, поймалъ подбитаго имъ матерого русака.

Съ трофеями, состоявшими изъ шести русаковъ, мы двинулись домой.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Евгеній Гриневъ.